

В № 1 (2004 г.) журнала «ЭКО» опубликована подборка статей, которые можно объединить темой «О стратегии устойчивого развития общества». Наряду с обсуждением вопросов социально-, научно-, политическо-экономической направленности большое внимание справедливо уделено «психологическому» фактору, фактору воспитания нашего сознания о своем месте и своем поведении в Природе.

В связи с этим мне вспомнилось несколько эпизодов из моего общения с представителями малых народностей непосредственно на природе. О чем я и хотел бы поделиться с читателями. Сами эпизоды не сенсационные, тем более не «героические». Они лишь показывают психологию, если хотите — культуру общения людей с Природой.

Всего два эпизода.

Анатолий ИВЛЕВ

Иннокентий

Наш экспедиционный отряд работает на нижнем Амуре. Лагерем стоим в районе озера Удыль. В низовьях озера из него вытекает одна небольшая река (скорее протока), на берегу которой стоит ульчское село.

Кругом тишина. Погода нам благоприятствует. Работа идет по плану: днем в маршруте, вечерами у костра каждый занят своим делом. Лето, вечера тихие, темнота приходит поздно. Вот в такие вечера к нам периодически приезжал «вольный» человек — то ли охотник-профессионал, то ли любитель-браконьер. Приезжал он не к нам, а к одной из наших дам. Общался он в основном с этой дамой и с одним из наших молодых сотрудников, который выполнял скорее роль почтальона.

Этот охотник (или браконьер) был неплохим стрелком, что подтверждал тушами убитого им зверя, лежащими в его отличном катере. На наши вопросы о том, не жалко ли ему убивать зверя, ответ был один: «Оно для того и бегаёт, чтобы его убивать».

В эти же вечера приезжал к нам на своей углой лодчонке и другой гость, с которым дружили мы все. Это был ульч по имени Иннокентий. Лет ему было за сорок. Жил он в семье, с большой оравой детишек. Жили небогато, но голодом дети не сидели и без одежды не бегали. Основные продукты покупали в местном магазине. Но многое на столе было из даров природы: рыба, черемша, орехи.

Иннокентий нередко привозил с собою только что пойманного в реке сазана и делал из него талу — национальное блюдо из свежей рыбы с уксусом и солью.

Иннокентий часто нам говорил, что приезжающий к нам охотник — нехороший человек. На вопрос, почему нехороший, он отвечал: «Нехороший потому, что он летом стреляет зверя».

— Ну а почему летом нельзя стрелять зверя? — не унимались мы.

— А потому, — парировал Иннокентий, — что вы всего медведя или лося быстро не съедите, и большая часть его просто испортится.

— Но ведь можно мясо раздать людям, — стоим мы на своем.

На это Иннокентий с усмешкой говорит: «Пока зверя доvezете до города, мясо его протухнет».

На это мы не находим ничего лучшего, как сказать, что можно раздать мясо убитого зверя своим селянам. На что был получен ответ: «Наши селяне не только не примут летом от меня мясо, но и покроют меня позором».

Наступила пауза, после чего Иннокентий, ни к кому не обращаясь, тихо произнес: «Летом зверь рождает и воспитывает малышей».

И нам всем стало стыдно за свои вопросы.

Герасим

Основным транспортом при проведении экспедиционных работ на нижнем Амуре у нас были моторные лодки, а «флагманским» судном был большой катер, на тридцать пассажиров. По пути из Хабаровска в низовья Амура мы всегда останавливались на ночлег в районе большого поселка Киселевка, вблизи которого стояло ульчское село Максим Горький.

Останавливались на ночлег мы на правом берегу Амура, причем задолго до темноты. Причиной тому была рыбалка. В этом месте можно было всегда хорошо поблеснить. Ловились в основном верхогляды.

При каждой такой остановке на ночлег к нам приходил из села местный житель по имени Герасим. Это был щуплый человек лет 50–55. Жил он один, без семьи, и постоянно чего-нибудь у нас просил. Зная это, мы всегда привозили ему что-нибудь из своих старых запасов: рубашки, брюки, пиджаки и тому подобное.

Познакомившись с нами поближе, Герасим стал привозить с собою сетку на осетров и предлагал вечером «сплавать». «Плавать» на осетров любил механик нашего катера, который потом рассказывал нам о ходе рыбалки.

Рыбалка на осетров (и другую крупную рыбу) состоит именно в плавании вниз по течению параллельно сетке (неводу). Один конец сетки крепится на лодке, а другой на кушке — поплавке.

Плывут. Герасим держит бечеву в руках, а механик управляется с веслом. Через какое-то время Герасим произносит: «Есть один. Бог послал». Спустя еще несколько минут Герасим повторяет: «Еще один бог послал». И так счет идет до пяти, после чего Герасим быстро начинает выбирать из воды сетку. Механик начинает возражать Герасиму, что пять осетров — это мало, дескать, давай еще половин. На что Герасим совершенно серьезно говорит: «Зачем мало!» И продолжает убедительно объяснять: «Один осетр делаем тала. Один осетр жарим на сковородке на всю компанию. Один осетр я беру домой. Один осетр вы жарите завтра утром, а в обед варите уху».

Помолчав, Герасим произносит куда-то в пространство: «Зачем больше? Бог пять дал, и спасибо ему».

Не знаю, насколько Герасим был верующим и в какого бога он верил...